

ИЗ КНИГИ «ЛИСТВА»

Ручей спускается в низину,
По склону белому змеясь.
Опять пишу про то, как зиму
Хоронит мартовская грязь.

Под плеск и цоканье капли
Влетают в записи мои
Скворцы, которые запели
Над чернотой полыньи.

Опять пишу тебе про то, как
Пушок на вербе серебрист,
Как в рыжей хлещущей протоке
Кружится прошлогодний лист.

Как, вся в предчувствии апреля,
Взбуждает ивовая плеть.
Искусством вешней акварели
Я вновь пытаюсь овладеть.

Запечатлеть в просветах синих
Последний робкий снеговой,

Зеленые стволы осинок
И розоватость их ветвей.

Не первый год живу на свете,
Но вот уже который раз
Гляжу на превращения эти,
А все не отрываю глаз.

Если б он тогда не ранним летом
Был рожден, а в снежном феврале,
Вьюги отступили бы при этом
И теплее стало на земле.

Если б день дуэли не зимою
Был назначен, а в разгар тепла,
Стужа бы дыхание земное
В этот миг мучительно свела.

В январе в Михайловском при свечке
Вдруг сплящим зноем обдаст,
А в июне вдоль по Черной речке
Проплывает белый-белый лед.

Яков
ХЕЛЕМСКИЙ

Мирзо ТУРСУНЗАДЕ

Весь на свету, над оркестровой ямой,
Как над обрывом,
глядя в темный зал,
Таджик на древнем языке Хайяма
Сегодняшнюю лирику читал.
Он сам оркестром был и дирижером,
Всех одарял он, истинный артист.
Лилась газель с таинственным повтором
— Хамин кофист?

Как в музыке, где каждый — переводчик
Созвучий на язык души своей,
Чужой словарь, глубины этих строчек
Я постигал все легче, все смелей.
Мне открывался в душанбинском зале
Их щедрый смысл, необоримо чист.
— Чего еще? — редифы вопрошали,
— Хамин кофист?

— Чего еще желаешь ты? Потребуй!
Я — твой. Я рядом. Вот мое плечо.
Ты слышишь? Для меня насущней хлеба
Веления твои. Чего еще? —
Читал актер. Все было в этом чтенье —
Карная рев, и птичий пересвист,
И вспышки света, и ночные тени.
— Хамин кофист?

Вобрал вопрос тысячелик этот
Восторг и боль, надежду и мольбу.
Так спрашивают, не страшась ответа,
Пространство, время, женщину, судьбу.
Все совершивший, ко всему готовый,
Тверд, как алмаз, и трепетен, как лист,
Взывал влюбленный, ждал тревоги новой!
— Хамин кофист?

Памяти Александра ЯШИНА

Зной и ветер. Синева и хмуры.
Лето. А дожди идут осенние.
Может, все из-за магнитных бурь?
Может, очень злое излучение?

Есть примета — високосный год...
Вот опять ровесника утратили.
Словно беспощадный артналет
Вновь обрушен давним неприятелем.

Что приметал? Верь в нее, не верь,
Как поверить в эту гибель раннюю?
Все большей немирный счет потерь,
Каждое прямое попадание.

Провожаем сверстника. Скорбим.
Говорим: — Солдатом был воистину!
Жил тревожно. Был необходим.
И любил и умирал воинственно.

А любил Бобришный свой угор,
И стихи, и правду, пусть колочую,
И грешил, безгрешным не в укор,
Сроду не ища благополучия.

Был неровен. Чуткий и крутой,
Схожий с этим летом, неустроенный,
Обжигал нележкой добротой
И дружил и покорял по-своему.

Покорял, как вологодский бор,
Северной отходчивой суровостью.
К Юг-реке, на тихий свой угор
Он вернулся со спокойной совестью.

ЭТО МОЙ ОТЦОВСКИЙ КРАЙ!

Леонид
КАРАТЕЕВ

Скажите откровенно:
почему? —
Рассказывает мальчик конопатый —
приснилось кареглазому,
ему,

что он летел к планетам космонавтом.
Прошел благополучно небосклон,
преграды одолев в тумане куцем...
Но, не дослушав этот чудный сон,
прервали мальчугана
и смеются.
Прервали.

А я вспомнил черный дым,
когда наш город бедственно маячил,
а я по минным улицам бродил,
не верящий в беду

одесский мальчик.

Нам хлеба выдавали по куску.

Но им ли прокормить детей
и взрослых?

И мама,
мама в прелюю муку
все подсыпала молотой березки.
Хлеб черным был,
как вспаханная степь.
Я ел его,
кормил сестриц-малышек,
а ночью снился белый-белый хлеб...

Я неизменно верю в сны мальчишек!

Каравай

Мчится вдаль
через овраг
речка небольшая.
А вдоль речки,
в деревнях,
любят каравай.
Это мой отцовский край!
Щедрое раздолье...
А спеченный каравай
пахнет,
словно поле

после вспашки,
на заре.

И на вид —
красивый!
Он настоен на добре
и красе России.

И хмельной,
как на пиру,
улыбаясь людям,
я с отцовских рук беру
каравай,
как чудо!

Слышу в нем тепло и грусть...

И сквозь снег
и ветер —
все тянусь к нему,
тянусь,
как былинка к свету.

Иду

По дороге — встречи,
речи.
Через час — твоё крыльцо...
По дороге — ветер,
вечер,
ветер с вечером в лицо.
Поле стало белым-белым,
за день стежки замело...
А за полем,
за метелью
ждет меня в селе тепло.
И спешу.
В поту рубаха.
С каждым метром тверже шаг...
А снежок скрипит,
как сахар,
у сынишки на зубах.

Сугробы на улице

Солжиковцам-стройбатовцам

Сугробы на улице длинные-длинные.
Зима не дает ни денёчка поскучать.
Метет,
завалило трамвайные линии.
И нам
эти линии
вновь расчищать!
Вручили лопаты,
идем через скверик,
мы к полдню должны,
несмотря на мороз,
пробиться с трудом,
словно Чкалов в Америку,
к домам,
что стоят у высоких берез.
Неплохо,
что взяли с собой плащ-палатки!
Теперь — никакая пурга не страшит...
И пусть хоть до ночи протянется схватка,
мы в город пробьемся!
И он зашумит.
Польются из окон девичьи приветы.
Везет нам!
Отличная служба дана:
воюем со снегом,
с распутицей,
с ветром...
А если все тихо,
то строим дома.